

СКРИПТИЗАЦИЯ ПОВЫШЕННОЙ ДОВЕРИТЕЛЬНОСТИ

А.П. ЛЮСЫЙ

*Сегодня был хакнут и дефейснут один из блогов Узнета.
Я успокаиваю автора – неинтересные сайты не хакают.*

Из сетевой переписки

Слово скрипт происходит от латинского scriptor – переписчик, писец. В полиграфии это слово и сейчас обозначает шрифт, выполненный от руки или имитирующий его. В гуманитарной сфере так определяется содержательная последовательность событий и поступков в конкретных ситуациях. Скрипт воспроизводится вместе с повторением ситуаций и составляет основу деятельной реальности человеческого существования.

Любопытно соотнести скрипт с таким же сравнительно новым понятием, как фрейм. Фрейм – единица представления знаний в **искусственном интеллекте**, описывающая понятие или объект. Фрейм состоит из ссылки на суперпонятие (т.е. понятие исходное или родовое) и описаний свойств, отличающих данный объект от суперпонятия. В информатике фрейм стал важнейшим элементом языка HTML версии 3.0 и выше, позволяя разделить веб-страницу на несколько независимых окон, в каждом из них размещая отдельную веб-страницу. При этом допускаются ссылки из одного окна в другое окно. Обычно фреймы применяются для организации меню, постоянно находящихся на экране. В отличие от фрейма скрипт характеризуется сцеплением звеньев выстроенной во времени цепочки причинно зависимых актов. Скрипт может быть спроектирован субъектом в процессе мысленного достижения цели, предшествующего реальной деятельности. Скрипт не сводим к системной организации умственных действий. Он отслаивается в сознании от конкретного фрейма и обладает самостоятельностью воспроизведения, что имеет особо важное значение для психологии творчества. В качестве примеров можно привести воспроизведение скрипта «Ромео и Джу-

льетты» в «Вестсайдской истории» С. Крамера или «Макбета» в «Кровавом троне» Куросавы. Образуемая скриптом цепочка обладает неявными (имплицитными) сцеплениями звеньев и их экспликация составляет важную черту классических детективных сюжетов. Перемещаясь в семантическое пространство, реальные скрипты приобретают не аналогичные функции сюжета и фабулы: фабула представляет собой действительную последовательность, а сюжет – нарративную, т.е. пересказанную.

Что делает скрипт в руках умелого интернет-пользователя? Он создает соединение с исследуемым web-сервером, проходит по базе уязвимостей и выводит подробный отчет о найденных ссылках. В случае большой нужды он может стать инструментом – не то чтобы взлома, но собранием зеркал взломанных сайтов (как сетевое торжество принципа «отнять и разделить»). «И, наконец, самый вкусный и козырной скрипт, который я не мог найти даже в инете в public-источниках – полоса взломов сайтов. Для тех, кто в танке, объясняю, что это за скрипт. Deface line – таблица на сайте, которая содержит зеркала взломанных сайтов (как и сам сайт), добавленные юзером. То есть пользователь добавляет свежий deface, скрипт скачивает index-файл взломанного ресурса и сохраняет его на сервере, а затем ждет, пока администратор сайта, то есть ты, неознакомишься со взломом и не подтвердишь постинг этого дефейса. После этого дефейс считается подтвержденным и помещается в таблицу»¹. Не является ли процитированный фрагмент хакерского бытия образцом реального постязыка постистории (истории, ушедшей в сеть, как в песок)? Может быть, читательской «пехоте» (которая не «в танке») стоит пояснить значение понятия *дефейс* – это описание схемы взлома сайта, с непременною подписью – взломанно таким-то, с указанием собственного ника и названия команды, в которой он состоит) «Site owned by Нах0г» можно перевести как «сайт поимел Нах0г»). Постинг (от англ. POSTING) – это отправка сообщений на сервер.

М. Фуко указывает на два типа социально-антропологических техник². С одной стороны, это техники производства и коммуникации, представляющие как *техники подчине-*

ния (к примеру, тюрьмы и школы). С другой стороны — налицо техники, позволяющие самим индивидам осуществлять операции на своем теле, душе и мыслях. Их Фуко называл технологией заботы о себе или — *техниками себя*. Последние являют собой фундаментальное основание свободы индивидуальности. Фуко говорит, что в каждой культуре «техника себя» предполагает такой императив, как наши *обязательства* в отношении истины. Забота о себе в этом смысле есть фундаментальное основание практической философии.

Рефлексия как обязанность философствования, *скриптизирует* идеи М. Фуко К.С. Пигров, за две с половиной тысячи лет выработала универсальные и совершенные технологии *вербализации* и *скриптизации*, т.е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове. Вербализация и скриптизация жизни доступны не только гениям и особо образованным людям. Они общедоступны и повседневны. В частности, скриптизация выражается в ведении интимного дневника. На базе фундаментальной вертикали и в качестве противовеса поучающему официозу и слезной молитве возникает *горизонтальное общение*. Формируется институт приватной, частной жизни, которая реализуется в непосредственном общении. В беседе (разговоре «равных») *профанируется* (в строгом терминологическом смысле) вертикальное общение, — как проповедь, так и исповедь. В рассказе вертикальное общение «сползает» в горизонтальное, хотя «за кадром» все время подразумевается исходная вертикаль³.

В этом плане показателен опыт Г.Л. Тульчинского — автора нескольких десятков книг по самым разным отраслям гуманитарного знания, в том числе и практическим. Все они направлены, с одной стороны, на трансформацию гуманитарного знания в сторону продуктивного синтеза, с другой, вооружают стратегией свободы творческого поиска. Прежде чем обратиться к личным персонологическим ресурсам, автору, в частности, понадобилось создать учение о «Постчеловеческой персонологии»⁴. А вот сказать, что его книга «Истории по жизни»⁵ в целом необычная, это ровным счетом ничего не сказать. Книга не укладывается в ка-

кие-либо известные научные и художественные каноны. Это собрание скриптов своеобразной личной гуманитарной периодической таблицы Менделеева с внутренним устройством «Игры в классики» Кортасара и «Хазарского словаря» Павича, или, может быть, «Максим» Ларошфуко, если бы тот родился после этих авторов, но сам был бы к тому же немного Боккаччо. Эта периодическая таблица отчасти установочная, отчасти «декамеронистая», тем самым провоцирующая читателя, а, может быть, и некоторых персонажей, на поиск или изобретение своих «тяжелых» или «легких» элементов.

Читатель волен читать ее по-разному — традиционно, с начала и до конца, в соответствии с традиционным же оглавлением. Или следовать по предлагаемым автором темам — «Болезнь и врачи», «Власть», «Выверты судьбы», «Деньги, достаток», «Дети», «Друзья», «Конфликты», «Приключения, риски, экстрим», «Радикальные (судьбоносные) решения и встречи, находчивость», «Самопознание» (совпадение с Бердяевым тоже не случайно), «Секс, мужчины, женщины» (не совсем о том, о чем можно подумать), «Смерти и исцеления», «Трудоустройство», «Языковые курьезы» и т.д. А также читать, как вздумается, с любого места. Деление на главы и темы условно, классификации нравов лингвистичны. «В Питере и Москве люди в метро как ездят? Шныриком, шныриком заскочить в вагон, уплотниться и ехать. В Киеве в вагоны входят и выходят. Плавно так, с достоинством. А в Баку так просто — гуляют».

Сам автор во вступлении называет рассказанные им случаи и разнообразные ситуации как истории «повышенной доверительности» и «персонологичные». То есть это не воспоминания, претендующие на буквальную достоверность. Конкретные люди, упоминаемые в тексте, почти наверняка — другие. По крайней мере — не только такие, какими их изобразил Тульчинский. Но они используются автором для описания ситуаций, где он их увидел именно так. А истории эти — скорее легенды, которые после многократного пересказа все более и более «очищаются» от «подлинной реальности». Как писал Виктор Шкловский, — в истории остаемся не мы, а легенды о нас. Вот автор и создал свое

предание. Кому-то это может и не понравиться, но — убери автор имена, и был бы утрачен сам жанр. А жанр, как и само искусство, даже и философское, требует жертв.

Главное в этих историях не те или иные персонажи, известные лица или случайные встреченные и попутчики, а сами ситуации контакта или непонимания, которые масштабной рефлексии не поддается, но фиксации заслуживают, хотя бы для сиюминутной археологии. «Философствование, — как пишет наш автор, — может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами... Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения».

«Ехал в Москву. Пришел пораньше. У меня была нижняя полка. Кинул сумку в рундук под полку. Сижу, читаю. Пришла еще пара. Расположились напротив. До отхода осталась пара минут, когда появилась “четвертая”. Эта тетечка с налету бросила сумочку на полку надо мной и заявила: “Так я и знала! Был бы молодой, попросила бы его поменяться”. Я смолчал. Поезд тронулся. Начали уже обмениваться репликами. Тут эта тетечка потребовала, чтобы я встал — ей надо в рундук. Я встал. Думал, она что положить надумала. А она — хватать мою сумку! Я ей: “Это мое!” Она: “А где мой багаж?” И уставилась на меня. До меня дошло: “У вас какое место?” Оказалось в соседнем купе. Ушла. Потом, когда зачем-то проходила мимо, заглянула в купе: “слава Богу, что я у вас не осталась. Там мне уступили нижнюю полку”. Мы с соседями переглянулись и рассмеялись. Фактически, два раза рот открыла, и каждый раз — чтоб обидеть. Действительно — слава Богу!». Можно было бы сказать, смех сквозь слезы, но философы, в отличие от писателей, не плачут.

Что это — не вошедшие в «основные» книги фрагменты памяти или «записная книжка» для будущих разработок? Или прямое высказывание и так прямого, при всей сложности затронутых ранее проблематик, авторского стиля? Вот какую остроту приобретает описание походов с руко-

писью книги «Самозванство». В одном из издательств хотя бы видать текст «немного по-постмодерничнее». «Это значило — потуманнее, по-неоднозначнее, с “ускользанием автора”. Короче, то, что я называю “пальцем вокруг клитора”. А мне нужно было высказаться в этом тексте именно прямой речью. Я плюнул».

Так пост-персонология обернулась экспериментальной прото-откровенностью. В сущности, автор, которого сильные мира сего не раз пытались «съесть» или «уесть», теперь сам редкостно и жертвенно подставился — просто сам себя отдал на скриптитаторское съедение читателю, в соответствии с одной из своих историй. «Она поехала к нему в Бурунди, где у него оказалось много жен, а из нее как белой женщины пытались сделать что-то священное, для чего надо было каждому члену рода съесть по ее кусочку...». Дело теперь за культурой читательского потребления. Но не слишком ли повышенно доверителен автор к читателям? Растащат бедного до полной его постперсонологичности... А с другой стороны — вдруг получится тотем?

А если серьезно, то — нужен ли такой опыт? Думается, — да. И за такой эксперимент автору — отдельное спасибо. Кто мы? Закрытые самодостаточные монады? Или все же есть надежда на открытость и искренность, без которой невозможны ни общение, ни общность? Скриптизация «по жизни», а не по сети. Поучительные истории для юноши, обдумывающего, как научиться «хакнуть» и «дефейснуть».

Примечания

¹ <Без имени> Масс-скриптизация, или как раскрутить свой сайт// Хакер. # 049. С. 049-063-3 // <http://www.xaker.ru/magazine/xa/049/068/3.asp>

² Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев — Москва, 1998.

³ Пигров К.С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Вып. 4. СПб., 2004. Сетевой ресурс: http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/vita04_08.html#n2.

⁴ Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2003.

⁵ Тульчинский Г.Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб., 2007.